

УДК 34**«Мягкая сила» как инструмент реализации культурной внешней политики Российской Федерации: политико-правовой анализ явления****Алескерова Камила Эльшановна**

Аспирант,
кафедра международного и европейского права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: kamila.aleskerovaa@bk.ru

Аннотация

В условиях глобальных геополитических трансформаций, важным элементом реализации национальных интересов становится использование так называемой концепции «мягкой силы». Важность исследования данного явления в отечественном дискурсе заключается в необходимости определения правовых и социально-политических пределов, содержательного наполнения данного термина, что обуславливается двойственной и неоднозначной природой подобного явления, а также наличие отечественной специфики реализации подобного концепта. С учетом того, что подобный концепт стал часто использоваться в политических кругах, рассматривая новые веяния во внешней политике России, подобный социально-культурный и дипломатических инструмент требует комплексного политико-правового анализа. Автор исследования полагает, что требование академического анализа подразумевает создание условий выверенного использования подобного концепта, с максимальной пользой для отечественной государственности и общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Алескерова К.Э. «Мягкая сила» как инструмент реализации культурной внешней политики Российской Федерации: политико-правовой анализ явления // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 4А. С. 392-399.

Ключевые слова

Мягкая сила; публичная дипломатия; культурная дипломатия; международное культурное сотрудничество; культурная внешняя политика.

Введение

Актуальность темы исследования обуславливается возрастанием академического и политического интереса к концепту «мягкой силы». По мнению отечественного исследователя Ф. Лукьянова – концепт «мягкой силы» является одним из наиболее часто упоминаемых «политологических понятий».

Анализ данной дефиниции позволяет рассмотреть потенциальные риски, возможности и технологии реализации современного международного культурного взаимодействия между различными акторами. Без понимания содержательного наполнения и методов реализации «мягкой силы» не представляется возможным осуществить анализ современного дискурса международного сотрудничества, который в контексте глобализации, перестройки геостратегических позиций приобретает важную роль.

Рассматривая актуальность данной темы, отечественный исследователь Е. Борисов, являющийся редактором-составителем коллективной монографии по «мягкой силе», отмечает, что теоретико-методологическое осмысление данного концепта связано с инициированной политическими кругами обсуждения «неологизма, введенного гарвардским ученым». По его мнению, «интерес политиков к понятию soft power в наши дни вызвал всплеск активности в научной сфере» [Борисов, 2020, с. 9].

Как было отмечено, интерес к данной дефиниции проистекает из трансформации глобального геополитического пространства, в котором в контексте международного сотрудничества, включая культурное взаимодействие, приобретает значимость публичная дипломатия, «мягкая сила», а также иные инструменты, которые не представляют «классические методы» выстраивания межгосударственных, международных взаимоотношений.

Акцентируя внимание на актуальности и новаторстве данного термина Дж. Ная, отечественные специалисты склоняются к мнению об отсутствии ясности и точности концептуального и содержательного наполнения данного термина, что потенциально не дает возможности полноценно эффективно использовать данный концепт в сфере международных отношений. В своих комментариях отечественный исследователь О. Леонова отмечает, что «сегодня в научной литературе нет ясности, что же такое soft power». Подтверждая данный тезис, другой отечественный исследователь О. Красина указывает на тот факт, что «в том виде, в котором понятие «мягкой силы» представлено в работах Дж. Ная, оно охватывает практически все действия субъекта международных отношений, которые носят ненасильственный характер».

Основная часть

Автор исследования согласен с выводами отечественных исследователей С. Песцова и А. Быбыло о том, что концепт «мягкой силы» является инструментом «категории практики», тогда как полноценной «категорией анализа» так и стал. Подобный важный аспект понимания данной дефиниции, хоть и создает дополнительные трудности в академической и практической интерпретации, однако позволяет четко обозначить терминологические границы и возможности реализации, особенно в рамках международного культурного взаимоотношения.

По мнению ряда исследователей, «многие из указанных противоречий и недоразумений обусловлены ... чрезмерно редуцированной содержательной трактовкой концепции «мягкая сила», что, с неизбежностью, расширяет пространство для критических замечаний и оценок

предпринятых измерений мягкой силы» [Неймарк, 2021, с. 266].

Подтверждая тезис о том, что концепт «мягкой силы» является «категорией практики», следует обратить внимание на содержательный анализ актуализированной Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации от 31 марта 2016 года. Так, в главе II законодатель четко обозначает, что «культурная экспансия» является потенциальной угрозой национальной безопасности Российской Федерации, и страна будет принимать исчерпывающие меры для защиты своего существования. При этом, в статье 16 и 17 главы III; статье 8, 24 пункте «4», статье 30 пункте «4», статье 31 пункте «3» главы IV четко обозначены основополагающие принципы деятельности, которые хоть напрямую законодателем и не называются инструментами «мягкой силы», но исходя из содержательного наполнения данных положений, таковыми являются на практике.

Анализируя концепт «мягкой силы» Дж. Ная, отечественный исследователь П. Паршин полагает, что необходимо исходить из конструктивной критики, осознавая наличие и деструктивной. Таким образом, по его мнению, конструктивная критика строится на постулате о том, что необходимо согласится «с фактом наличия власти над человеком всего того, к чему он привержен, и тем, что такая власть реализуется, среди прочих, также и в сфере международных отношений» [Чаевич, 2019, с. 143].

Необходимо отметить, что, рассматривая деструктивную позицию, исследователь отмечает наличие мнения о полном отрицании концепта «мягкой силы» в международных отношениях, или восприятии данного концепта как крайне негативного явления, требующего радикального противодействия.

Естественно, что подвергая критике зарубежные определения и содержательные наполнения концепта «мягкой силы», отечественные исследователи предлагали различные самостоятельные интерпретации данной дефиниции. По мнению автора исследования, наиболее функционально наполненными представляются определения Е. Широковой, А. Бобыло, П. Песцова и П. Паршина.

По мнению отечественного исследователя Е. Широковой – «мягкая силы» — это «совокупность факторов общественного сознания, определяющих отношение общественной группы (населения страны, элиты, отдельных классов и т.п.) к какому-либо субъекту политики и таким образом усиливающих (или ослабляющих) влияние этого субъекта на данную группу».

При этом отечественные исследователи С. Песцов и А. Бобыло отказываясь от академического толкования данного концепта, предлагают развернутое функциональное понимание механизма «мягкой силы», который состоит «из 3 элементов: привлекательный субъект – стратегия изменения поведения объекта – достижение целей субъекта».

Наиболее академически обстоятельным представляется концептуальный анализ П. Паршина, который предлагает рассматривать данный концепт в качестве «метафоричного». Данный постулат исходит из постмодернистского анализа понимания процессов глобализации.

В научной работе «Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России» исследователь дает 2 определения «мягкой силы» - терминологическое и нетерминологическое: «Мягкая сила» в широком понимании – это способность достигать некоторой цели самому или через чье-либо посредство, выбирая из спектра потребных инструментов такие, относительно которых можно ожидать, что они при их применении, будут наносить относительно меньший ущерб (материальный или нематериальный) по сравнению с другими инструментами, потенциально применимыми для достижения той же цели [Чернышов, 2019, с. 120].

Также «мягкая сила» — это притягательная сила различных ценностей, устойчиво ассоциируемых с некоторой страной. К их числу относятся культурные ценности данной

страны, организация и уровень жизни в ней, качество образования и т. д.».

Отечественные исследователи обозначают различные инструменты «мягкой силы», которые являются составной частью внешней культурной политики страны, включая репутационный менеджмент, имиджмейкинг и информационные войны. По мнению ряда исследователей информационно-коммуникативные технологии являются ключевой составной частью и катализаторами «мягкой силы». Подобные действия происходят через культурные знаки и символы.

Как отмечает в своей работе В. Капицын культурные «знаки и символы – виды информации, посредники между познающим и объектом познания. Люди не взаимодействуют напрямую с объективной реальностью, а создают символы как искусственных посредников».

Подтверждая вышеописанный тезис, другой отечественный исследователь А.П. Цыганков пишет о том, что «теория международных отношений никогда не являлась нейтрально-универсальной наукой». Тем самым, доказывая тезис о том, что «культурная экспансия» (воздействие), которое поддерживается и направляется различными акторами международных отношений является силой способной повлиять на ход действий и мыслей иностранных государств, обществ и отдельных акторов [Неймарк, 2021, с. 221].

Исходя из данного тезиса, по мнению А.П. Цыганкова «теория международных отношений» будет развиваться по двум возможным сценариям: «1) чем сильнее давление, заставляющее заимствовать инокультурные идеи (а с ними и ценности), тем значительнее должны быть затраты на развитие потенциала «мягкой силы», сохранение интеллектуальной автономии и сопротивление идейной колонизации 2) чем своеобразнее культура, тем активнее усилия интеллектуального класса, направленные на то, чтобы создавать и развивать национальную модель «мягкой силы» и общественных наук для адаптации к условиям глобального мира».

Другой исследовательский подход предлагает Е. Панова, которая предполагает необходимость выделения в концепте «мягкой силы» инструменты краткосрочного и долгосрочного планирования (действия). К краткосрочным по мнению исследователя следует относить «месседжинг», в рамках которых осуществляется социально-культурное воздействие посредством средств массовой информации, сетевого пространства. В условиях глобализации подобный инструмент осуществляет построение «культурного» информационного пространства вокруг государства, с разъяснением идеологии, политики действий, а также созданием благоприятного имиджа. Среди таковых [Неймарк, 2021, с. 177]: «

- «Распространение печатных изданий в иностранном государстве.
- Организация телерадиовещания в иностранном государстве.
- Организация культурных выставок, форумов.
- Создание совместных культурных проектов, направленных на укрепление межнациональных и межконфессиональных отношений».

При этом, к долгосрочным инструментам Панова относит исключительно международные образовательные программы. Как отмечает исследователь, «высшее образование формирует определенное мировоззрение у иностранных гостей, отражающее ценности самого принимающего государства и позволяющее рассчитывать на благоприятное отношение к стране пребывания с их стороны в будущем».

Автор исследования, соглашаясь с мнением о том, что международные образовательные программы являются важным инструментом «культурного воздействия на тех или иных акторов международных отношений, полагает важным дополнить, что образовательные проекты – понятие широкое, и ключевыми проводниками таковых проектов являются некоммерческие организации, которые имеют существенные силы в определении вектора внешней культурной

политики любого государства.

Рассматривая концепт «мягкой силы» следует обратить внимание на наиболее детализированную теоретико-методологическую разработку, которую представили в своей работе отечественные исследователи С. Песцов и А. Бобыло.

По их мнению, существует восемь «содержательных элементов» концепта «мягкой силы», которые представляют следующий механизм [Ворочков, 2016, 57]: «

- «Источники. По мнению исследователей таковыми являются национальное достояние (то есть, социальное и культурное), актуальная дипломатия и политика.
- Механизмы. Исследователи полагают, что «сам факт наличия определенных вещей и/или действий, потенциально способных выступать в качестве ресурсов «мягкой силы», автоматически не делают их таковыми». Тем самым, необходимыми техническими средствами реализации такого перехода являются «культурные каналы коммуникации», финансы, инфраструктура, а также технологии (к примеру, культурные связи, брендинг, публичная дипломатия).
- Активы. Данный авторский постулат является тождественным с «валютой силы», которая определяется категориями культурологического значения.
- Инструменты. Важнейшими инструментами по мнению исследователей является образ, имидж и присутствие. В контексте использования инструментов происходит социальная и культурное позиционирование страны в глобальном информационно-коммуникационном пространстве.
- Промежуточные эффекты. Индикаторами в данном случае служат репутация и осведомленность, которая наступает между субъектом культурного внешнего воздействия и объектом.
- Механизм селекции. Данный механизм определяется как «совокупность рациональных и эмоциональных, сознательных и интуитивных процедур и инструментов селекции (отбора) внешних воздействий».
- Промежуточный результат. Данный результат достигается исключительно при выверенном планировании и использовании необходимых активов и инструментов «мягкой силы».
- Конечный результат. Определяется необходимой реакцией реципиента. При этом, отсутствует возможность определения четкой корреляции, с учетом многогранности и сложности международных отношений (определение конкретного результата «культурного воздействия» невозможно)».

Также следует обратить внимание на концептуальную позицию отечественного исследователя Д. Медведева, который определяет воздействие «мягкой силы» исключительно с позиции конструктивного воздействия.

По его мнению, «одним из условий «привлечения другого» является его дезинтеграция как стратегического субъекта, уничтожение его субъектности (самостоятельности, независимости) как таковой. Лишенный собственных ценностей и идеалов... объект «мягкого» воздействия «примыкает» к аттрактору, который предложен ему источником «мягкого» влияния».

Концептуально продолжая теоретические выводы Д. Медведева, другой отечественной исследователь в своей научной статье «Идентификация деструктивных смыслов в противодействии «мягкой силы» пишет о данном концепте как угрозе. По его мнению, «уступка влиянию «мягкой силы», общественное согласие принятия ее даров будут означать лишь внешнее снятие культурных, идеологических, политических противоречий, но при этом они возникнут на более глубоком уровне общественного сознания. Может произойти нестыковка

закладки и распаковки «культурных кодов» [Чаевич, 2019, с. 132].

Автор исследования соглашается с подобным тезисом, исходя из понимания того, что в содержательном наполнении данного концепта «коренится» деструктивных механизм смыслов, который отождествляет основополагающие принципы реализации самой «мягкой силы». Обуславливается это тем, что посредством использования «культурных кодов», механизмов социокультурного порядка производится отторжения или трансформация сознания (порой, и подсознания) объектов воздействия, в частности культурно-ценностных ориентиров, поведенческих норм, а также создание условий для осуществления усвоения иных социально-культурных норм, которые являются противоречащими устоявшимся «культурным кодам» объектом воздействия.

С учетом того, что роль «мягкой силы» в геополитическом дискурсе продолжает возрастать, осуществляется изобретение новых технологий и методов информационно-психологического, культурологического и идеологического воздействия на международных акторов отношений, политические элиты и национальные правительства.

Являясь стержневым концептуальным механизмом американского либерализма, механизм «мягкой силы» стал ключевым элементом внешнеполитической деятельности правительства США. Посредством изменения «культурного сознания» и привнесения «чуждых элементов», США сумели достичь собственных стратегических национальных интересов в ближневосточном, африканском и западноевропейском геополитическом пространстве [Таказов, Загоскина, 2022, с. 150].

Подобные сценарии «культурной экспансии» породили новые концепции, включая «демократическая интервенция», «ответственность по защите», «человеческая безопасность» и другие, которые стали ядром «цветных революций».

Естественно, автор исследования отмечает, что измерение эффективности воздействия «мягкой силы» остается достаточно дискуссионным вопросом не только в теории международных отношений, но и в практике принятия административно-управленческих решений, что обуславливается сложностью определения степени влияния конкретных методов и инструментов на «культурную экспансию» и подведение к конкретным социокультурным или политическим итогам.

Рассматривая концептуальную наполняемость термина, «мягкая сила» автор исследования отмечает высокой уровень заимствования смысловых толкований, которые остаются в отечественном дискурсе не только непонятными, но зачастую чуждыми [Палатников, Осипова, 2023, с. 273]. В данной ситуации следует продолжить комплексную работу по академической детализации, наполняемости концепта «мягкой силы», без осуществления переноса западных шаблонов, что может негативно сказаться на практической реализации, в связи с наличием различной «культурной» и политической наполняемостью данного термина. Подобный подход особенно актуален в условиях, когда Российская Федерация вместе со стратегическими партнерами выстраивает многополярный мировой порядок [Чаевич, 2019, с. 166].

Автор исследования считает, что наличие у России своих индикаторов (маркеров) концепта «мягкой силы» является логичным продолжением основополагающих принципов, заложенных в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации от 31 марта 2023 года.

Рассматривая практику использования различными государствами инструмента «мягкой силы», следует обратить внимание на потенциальные возможности использования подобного концепта в качестве действенного «социокультурного щита» для отражения информационно-идеологического и агитационного воздействия недружественных государств и акторов

международных отношений [Кукарцева, 2017, с. 156]. Подобный механизм уже заложен в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 646 от 5 декабря 2016 года.

Заключение

Подводя итоги, автор исследования отмечает, что в отечественном академическом дискурсе присутствует негативное восприятие концепта «мягкой силы», что обуславливается «демонизацией» данной дефиниции в публицистической среде. Исходя из данного аспекта, автор считает необходимым продолжение комплексного междисциплинарного исследования концепта «мягкой силы» как важного инструмента продвижения, реализации и формирования механизма «культурного воздействия» на иных акторов международных отношений, с целью достижения стратегических национальных интересов.

Библиография

1. Борисов А. В. «Мягкая сила» России: специфика понимания и оценки // Мировая политика. – 2020. – № 1. – С. 1–11.
2. Ворочков А. П. Институты реализации «мягкой силы» в современной России // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2016. – № 2 (6). – С. 53–59.
3. Кукарцева М. А. "Мягкая сила" в информационной политике России за рубежом // Стратегия "мягкой силы" в контексте информационных войн : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Москва, 2017. – С. 148–158.
4. Неймарк М. А. Геополитика "мягкой силы": опыт России. – Москва : Дашков и К, 2021. – 349 с.
5. Палатников Д. Е., Осипова В. В. Способы реализации концепции «мягкой силы» Российской Федерации с помощью информационных коммуникаций // Социальные и гуманитарные знания. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 270–279.
6. Таказов В. Д., Загоскина К. С. СМИ как инструмент продвижения политики «мягкой силы» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – № 3. – С. 148–151.
7. Чаевич А. В. "Мягкая сила" как фактор обеспечения национальной безопасности современной России. – Москва : Спутник+, 2019. – 184 с.
8. Чернышов В. А. Мягкая сила информационного общества: место и роль СМИ // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2019. – № 1. – С. 120–124.

"Soft Power" as a Tool for Implementing the Cultural Foreign Policy of the Russian Federation: A Political-Legal Analysis of the Phenomenon

Kamila E. Aleskerova

PhD Candidate,
Department of International and European Law,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18 Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: kamila.aleskerovaa@bk.ru

Abstract

In the context of global geopolitical transformations, the use of the so-called "soft power" concept has become an important element in advancing national interests. The significance of studying this phenomenon in the domestic discourse lies in the need to define its legal and socio-

political boundaries, as well as its substantive content, given the dual and ambiguous nature of such a concept and the unique characteristics of its implementation in Russia. As this concept has gained frequent usage in political circles, particularly in discussions about new trends in Russia's foreign policy, this socio-cultural and diplomatic tool requires a comprehensive political-legal analysis. The author argues that academic scrutiny is essential to ensure the precise application of this concept, maximizing its benefits for national statehood and society.

For citation

Aleskerova K.E. (2025) «Myagkaya sila» kak instrument realizatsii kul'turnoy vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii: politiko-pravovoy analiz yavleniya ["Soft Power" as a Tool for Implementing the Cultural Foreign Policy of the Russian Federation: A Political-Legal Analysis of the Phenomenon]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (4A), pp. 392-399.

Keywords

Soft power, public diplomacy, cultural diplomacy, international cultural cooperation, cultural foreign policy.

References

1. Borisov A.V. Russia's "Soft power": the specifics of understanding and evaluation. *World politics*. 2020. No.1. pp.1-11.
2. Vorochkov A. P. Institutes for the implementation of "soft power" in modern Russia // *Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal sciences.* – 2016. – № 2 (6). – Pp. 53-59.
3. Kukartseva M. A. "Soft power" in Russia's information policy abroad // *Strategy of "soft power" in the context of information wars: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference – Moscow, 2017.* – pp. 148-158.
4. Neymark M. A. The geopolitics of "soft power": the experience of Russia. Moscow: Dashkov and K, 2021. 349 p.
5. Palatnikov D. E., Osipova V. V. Ways to implement the concept of "soft power" of the Russian Federation through information communications // *Social and humanitarian knowledge.* – 2023. – Vol. 9, No. 3. – pp. 270-279.
6. Takazov V. D., Zagorskina K. S. Mass media as a tool for promoting the policy of "soft power" // *Bulletin of the All-Russian State University. Series: Philology. Journalism.* 2022. No. 3. pp. 148-151.
7. Chaevich A.V. "Soft power" as a factor of ensuring national security in modern Russia. Moscow: Sputnik+, 2019. 184 p.
8. Chernyshov V. A. The soft power of the information society: the place and role of the media // *Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities.* 2019. No. 1. pp. 120-124.